

Услышав, чья это кровь, Лу Шаохуа покраснел, глаза его наполнились влагой. — Заместитель, Лин Да приказал вам остаться здесь и отдохнуть. Ваша задача выполнена. Имин теперь — его забота.

Лин Цзыхань развернулся и пошёл прочь.

Лу Шаохуа на ходу отдал распоряжения одному из командиров отделений, поручив ему завершить работу на месте, а сам с другим отделением бросился вдогонку.

По сравнению с бойцами «Красного волка» Лин Цзыхань двигался заметно медленнее. Его тело уже не было прежним, и короткая, но яростная схватка отняла последние силы. Теперь, когда напряжение спало, он почувствовал, как ноги подкашиваются, и вынужден был сбавить шаг.

Он показал Лу Шаохуа идти вперёд, к деревне Кэкэ. Он понимал: этот горячий командир «Красного волка» кипит от ярости и жаждет схватиться с врагом, чтобы пленить Имина и отомстить за «Серебряного волка».

Тем временем Лин Цзин и Ло Цяньцю уже полностью блокировали деревню, а Чжоу Цимин с «Белым волком» подошёл им в поддержку.

Ещё издалека Лин Цзыхань слышал частую стрельбу, взрывы гранат и реактивных снарядов, а вскоре увидел чёрные клубы дыма и зарево пожара над Кэкэ.

Он позволил себе выдохнуть и, замедлив шаг, сосредоточился на ровном дыхании, давая измождённому телу понемногу восстанавливаться.

Вскоре стрельба стала редеть. Казалось, бой подходил к концу.

Шлемофон Лин Цзыхана был повреждён в рукопашной. Он взял рацию у одного из сопровождавших бойцов, переключился на индивидуальный канал и спросил:

— Лин Да, как обстановка?

Лин Цзин не успел ответить — в эфире раздался голос Имина.

Тот звучал нагло и самодовольно:

— Лин Цзин, советую проявить благоразумие. Вся деревня — мои заложники. Если твои люди не прекратят огонь, я начну их убивать.

Лин Цзин молчал.

Имин захохотал:

— Знаменитый «Мясник» и вдруг замялся? Неужто человеческая жизнь что-то значит для тебя?

— Эти слова, Имин, как раз про тебя самого, — холодно парировал Лин Цзин.

Неподалёку от него, прислонившись к каменной стене у въезда в деревню, на носилках сидел Имин. Седая борода была забрызгана кровью, но глаза горели лихорадочным блеском. Он прижимал к себе мальчика лет семи-восьми, приставив пистолет к его виску. Рядом несколько его подручных тоже держали заложников — женщин, детей. Те плакали, дрожа от ужаса, под

дулами автоматов и лезвиями ножей. Бойцы не смели сделать лишнего движения.

Всё это время Лин Цзин не сводил глаз с происходящего, но в эфире его голос прозвучал ровно:

— Зам, ты не ранен?

— Нет, — так же спокойно, но сосредоточенно ответил Лин Цзыхань. — А как наши в деревне? «Серебряный волк»?

— Потери больше половины, — сквозь стиснутые зубы прорывалась ярость Лин Цзина. — Так и тянет забыть про всё и прикончить эту старую гниду.

— Лин Да, успокойся, — мягко сказал Лин Цзыхань. — Мы не Имин. Мы не можем ставить под угрозу жизни мирных. У тебя огромный опыт работы с заложниками. Ты справишься.

— Знаю. Всё под контролем, не волнуйся, — Лин Цзин взял себя в руки, голос стал твёрже. — Ты отдохни, не торопись сюда.

— Хорошо, — Лин Цзыхань не стал больше отвлекать его и вышел из эфира.

Он вернул рацию бойцу и продолжил путь размеренным, спокойным шагом.

Впереди уже вырисовывались контуры деревни Кэкэ.

И в этот момент Лин Цзин начал действовать.

Он медленно, не спеша, вышел из-за укрытия, полностью открываясь на линии огня. Спокойно снял защитные очки. Его безупречное, холодное лицо было теперь хорошо видно. На губах играла лёгкая, почти презрительная улыбка. — Имин, ты ведь хочешь именно моей смерти, верно? Вот я. Хочешь попробовать? Может, хватит одного выстрела.

Вид незащитной цели так близко стал для Имина невыносимым искушением. Да, один выстрел — и падёт легендарный «Дикий волк». Резонанс будет куда громче, чем от убийства какого-то Лин Цзыхана, всего лишь сына высокого чиновника без громких подвигов. Лин Цзин же — грозный воин, чьё имя знает вся Средняя Азия. Убить его — вот это будет триумф!

Рука Имина с пистолетом дрогнула. В его колющем, хищном взгляде мелькнуло сомнение.

Лин Цзыхань, услышав слова командира, похолодел внутри и бросился вперёд, забыв об усталости.

Но Имин уже засмеялся — скрипучим, зловещим смехом. — Лин Цзин, я-то знаю, что у тебя на уме. Мстить за свою семью хочешь, да? Хе-хе... Твой мальчик-то был красивым... Учитель, нежный, изящный. Мои братья говорили, звук ломающихся косточек — просто музыка. А как лезвие скользит по коже... Они даже хотели оставить его живеньким, поиграть подольше. Ха-ха-ха-ха!

Его люди подхватили похабный хохот.

— Имин! Ты смерти захотел?! — рявкнул Лин Цзин, и в его голосе впервые прорвалась неподдельная ярость. — Исполню! — И он резко развернулся, словно намереваясь уйти назад, отдать приказ о штурме — спиной к врагу.

Имин увидел его вспышку гнева, увидел подставленную спину. Искушение стало непреодолимым. Пистолет, нацеленный на виск ребёнка, дёрнулся и переместился на спину Лин Цзина.

В тот миг, как он дрогнул, Ло Цяньцю, не отрывавший от него глаз, скомандовал:

— Огонь.

Лин Цзин бросился на землю и перекатился в сторону. Пуля Имина просвистела у самого плеча.

С нескольких направлений одновременно грянули выстрелы снайперов. Пули точно вошли в головы террористов, державших заложников. Те рухнули, не успев причинить вреда.

Двое бойцов из отряда специального назначения, укрывавшихся у самой стены, совершили стремительный бросок. Один сбил с ног Имина, другой вырвал из его рук ребёнка и откатился в безопасную зону.

Всё заняло не больше десяти секунд.

Заложники были спасены. Имин — обезврежен. Его личная охрана — уничтожена.

Лин Цзин поднялся, крупными шагами подошёл к скрученному Имину и со всей силы врезал ему в челюсть.

Голова Имина дёрнулась, из разбитого рта потекла струйка крови. Он с трудом повернул голову, и на его лице расплылась мерзкая, торжествующая усмешка.

Лин Цзин смотрел на него ледяным взглядом. — Имин, твоему «делу» сегодня конец. «Детям рассвета» пришёл закат.

— Вы всех нас не перебьёте! — с гордым вызовом процедил Имин. — «Дети рассвета» умрут, но родятся «Дети ночи»! Я умру за правое дело, и народ меня запомнит!

— Не обольщайся, — голос Лин Цзина был холоден, как горный лёд. Он указал на толпу освобождённых заложников. — Какое ещё дело? Резня в деревнях Мукэ и Чакэ? Заложники в Лэкэ, Куке и здесь, которых вы гнали перед собой как щит? Это и есть твоё «правое дело»? Логика бандита, не более. Тебя запомнят, Имин. Запомнят твою жестокость. Твою кровожадность. Твои преступления, которые не смыть и сотней смертей.

Пока они обменивались колкостями, вокруг царила суматоха. Большинство заложников были детьми. Женщины с рыданиями кинулись к ним, хватая на руки, и бойцы поспешили отвести их в сторону.

С пленением Имина и освобождением людей последние очаги сопротивления в деревне вспыхнули с новой силой. Чжоу Цимин и Лу Шаохуа возглавили зачистку оставшихся фанатиков.

Бойцы «Дикого волка», яростные от мести за товарищей, сметали всё на своём пути.

Вскоре и последние выстрелы в деревне смолкли.

Когда Лин Цзыхань вошёл в Кэкэ, Лин Цзин с остальными уже были внутри.

Уцелевших пленных согнали на пустырь в центре деревни. Мирных жителей по одному проверяли и опрашивали.

Лин Цзыхань шёл молча, наблюдая, как бойцы чётко и слаженно выполняют свою работу. Он не вмешивался.

Вдруг он замер. Краем глаза он заметил кого-то знакомого.

Это была женщина средних лет в традиционной таджикской одежде. Она стояла на плоской крыше двухэтажного дома и смотрела вниз, на оживлённую площадь. Впрочем, любопытство в такой ситуации было вполне естественным.

<http://bllate.org/book/16287/1469239>